снег не может пройти.

он всегда остается лежать

на громадной кости
горизонта, где тянется Гжать,
где клыки сорняков
и застыли ленивые звезды,
где еще сто веков
наперед синий холод роздан.
там стекло по луне
скрежещет: «уже ль — неужель?»
небеса в полынье —
обмерзшая синим гжель.
снег не может пройти,
покуда лежат поля.
никуда.

никуда.

* * *

дай волю, они перережут и небо, и хлынет закат, и смоет чужую одежду, земле поналепит заплат. дай волю, Христос, этим людям, пусти их вдогонку, Аллах. язык человеческий труден: где есть Карабах, где Арцах? и я половина от каждой враждующей стаи впотьмах.

и голос мой вылетит дважды, взвывая, что наш Карабах. но голос мой будет не слышим Баку, Ереваном, в чужой степи пронесется и крыши овьет снеговой паранджой. я есмь тегеранская площадь, где прадед держал таксопарк. я есмь украинская роща, где вечер ухабистый наг. я спрятана в русском овраге куском почерневшего льда, где знавшая все о рейхстаге прабабка рожала одна. я плачу зурной, ною скрипкой, по гуслям коряво скольжу. я где-то жила ассирийкой, турецкий любила кунжут, и крестик висел без распятья, и не был никто во врагах, но скрещены кем-то запястья, платок опустился, Никах. я где-то армянское имя исламским накрыла Марьям. часовни проносятся мимо, тоскливо застывшим горам. каспийские волны не слышно, я Вопью холодной легла. и так по случайности вышло, что морщатся здесь берега. они мне намеком укажут, туда, где начало взяла. «вали и целуй землю вашу!» а где эта наша земля?

4 4 4

никому на свете не говори, как рябит листва и блестят сады, как летают ласточки цифрой три, никому — до времени, до поры.

а когда увидишь речную гладь, как ребенок ты притворись ручьем, небо станет солнечно вышивать на канве дрожащей узор лучом.

никому на свете не говори, что на глади гладью рисует он, и какой, и где наш родимый дом, никому на свете — молчи о том.